

Геннадий Колодкин

ПУЛЬСАРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин

Пульсары

<https://litres.ru/74426009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Планета кишит жизнью. Цивилизация, которую они называют «человечество», демонстрирует поразительное разнообразие языковых систем. Тысячи диалектов, сотни полноценных языков. Наши аналитические машины гудят от напряжения, каталогизируя фонемы, морфемы и синтаксические структуры. Особый интерес представляет так называемый «русский язык» — сложный, флективный, с богатой морфологией. Он способен передавать тончайшие оттенки смысла, от эпической поэзии до сложнейших научных формул. Мы были в восторге.

Но затем мы обнаружили Его...

Геннадий Колодкин

Пульсары

ПУЛЬСАРЫ

Короткий рассказ

Геннадий Колодкин

ПУЛЬСАРЫ

Элиас считал себя астрономом. Не в том смысле, что у него был диплом или телескоп, направленный в бездонную черноту космоса. Нет, его обсерваторией была пыльная мансарда с видом на мокрые крыши старого города, а объектами наблюдения — люди. И самым *fascinans*, самым завораживающим объектом был он сам.

Он сидел у окна, глядя, как капли дождя чертят на стекле скоротечные русла рек. Внутри была тишина. Не спокойная, умиротворяющая тишина, а звенящая, натянутая, как струна. Это была фаза накопления. Мозг, этот странный биореактор, впитывал всё: серый цвет неба, ритмичный стук капель, запах озона и мокрого асфальта, горечь остывшего кофе в кружке. Он впитывал бездеятельность, собственную апатию, раздражение на эту апатию. Он был пуст и одновременно переполнен. Как нейтронная звезда перед тем, как вспыхнуть.

«Люди — пульсары», — нацарапал он на запотевшем

стекле.

Творчество для Элиаса было не процессом, а состоянием. Оно приходило не по зову, а по какому-то внутреннему, не зависящему от него закону. Несколько недель он мог просто существовать. Бродить по городу, читать обрывки чужих мыслей в книгах, слушать музыку, которая не вызывала ничего, кроме глухой меланхолии. В эти моменты он ненавидел себя. «Бездельник. Имитатор. Пустышка». Голоса в голове были безжалостны. Он пытался заставить себя. Садился за стол, открывал ноутбук, смотрел на мигающий курсор — этот маленький, наглый метроном, отсчитывающий секунды его никчемности. Он составлял графики: «9:00 - 11:00 — писать. 11:00 - 11:15 — перерыв».

Это было всё равно что пытаться запереть реку в бетонные берега плотины. Река сопротивлялась, а потом умирала, превращаясь в стоячий, затхлый водоём. Творчество, загнанное в клетку расписания, становилось ремеслом. Оно теряло свой дикий, неистовый дух. Птица в клетке, которой тепло и сытно, но небо для неё — лишь узор на потолке. Элиас закрывал ноутбук и снова уходил в свою спячку, в своё накопление.

А потом случался разряд.

Это начиналось с лёгкой дрожи в пальцах. С внезапного, острого желания. Мир вдруг обретал цвет, звук и запах. Серое небо становилось жемчужным. Стук капель превращался в сложный полиритм. Горечь кофе — в необходимую но-

ту для полноты ощущений. Психика, до этого похожая на штиль, взрывалась штормом. Эмоциональные качели взмывали к самому солнцу. Восторг! Уныние! Ярость! Нежность! Всё смешивалось в кипящий, бурлящий котёл.

Он был чайником со свистком на огне. Он гудел, он неистовствовал.

Элиас бросался к столу, и слова, образы, идеи, которые копились в нём неделями, вырывались наружу ослепительным лучом, как излучение пульсара. Он не писал — он транслировал. Пальцы летали по клавиатуре, не успевая за мыслью. Он забывал есть, спать, пить. Существовал только этот процесс, это горение на сковороде творчества. Он был не автором, а проводником. Он был самым движением, пульсирующим, живым.

В такие дни или ночи рождались его лучшие тексты. Они были неровными, турбулентными, живыми. В них бился пульс его собственной вселенной.

А потом луч гас.

Наступала усталость. Опустошение, похожее на смерть. Он перечитывал написанное и часто испытывал разочарование. Казалось, что тот ослепительный свет, который он видел внутри, на бумаге превратился лишь в тусклое мерцание. Депрессия накрывала его тяжёлым, влажным одеялом. Восторг сменялся отвращением к себе.

И снова начиналась пауза. Снова накопление.

Однажды его агент, практичный и приземлённый человек

по имени Марк, сказал ему:

— Элиас, ты талантлив, но нестабилен. Тебе нужна система. Дисциплина. Ты должен писать каждый день. Хотя бы по странице. Преврати это в работу.

Элиас посмотрел на него, как смотрит дикий зверь на дрессировщика с обручем.

— Если я превращу это в работу, это перестанет быть... этим, — он неопределённо махнул рукой, пытаясь объять необъятное. — Это будет ремесло. Аккуратное, выверенное, мёртвое. Как море, которое когда-то было бурной рекой.

— Но ремесло кормит, Элиас. А твоя река то разливается, затапливая всё вокруг, то пересыхает до дна.

Элиас ничего не ответил. Он знал, что Марк прав с точки зрения логики этого мира. Но его мир подчинялся другим законам. Законам космических циклов. Накопление — разряд. Тишина — взрыв. Спячка — горение.

Он был пульсаром. И пытаться светить ровным, постоянным светом, как обычная звезда, означало для него — погаснуть навсегда. Он предпочитал свои неистовые вспышки и долгие периоды тьмы. Потому что только в этой попеременности, в этой вечной турбулентности и была настоящая, пульсирующая жизнь. Его жизнь.

КАРУСЕЛЬ

Дверь литературной студии захлопнулась за моей спиной с глухим, равнодушным стуком. Я остался один в густеющих

сумерках коридора, пропахшего пылью старых книг и дешевым линолеумом. В ушах еще звенели обрывки чужих фраз, вежливые, но пустые улыбки, шорох тетрадных листов. И главный вопрос, назойливой мухой бившийся о стекло сознания: зачем я сюда пришел?

«А нужна ли мне эта литературная студия?» — спросил я у своего отражения в мутном оконном стекле. Отражение, старик с усталыми глазами и сеткой морщин вокруг них, молчало. Чему я там научусь? Слушать, как молодая поэтесса с придыханием читает о «лунных бликах на асфальте мокрому»? Или внимать напыщенным рассуждениям о постмодернизме от человека, который, кажется, сам не до конца понимает, о чем говорит? Не потрачу ли я просто драгоценное время, которого и так осталось с гулькин нос, на это пустое мероприятие?

Я там не встретил ни одного человека. Нет, физически они, конечно, были. Сидели на стульях, пили остывший чай из пластиковых стаканчиков. Но я не встретил никого, кто бы мне приглянулся, кто бы зацепил, кто бы мог что-то дать, преподать, предложить то, без чего мне в дальнейшем, как художнику слова, не жить. Пустые оболочки, наполненные собственными текстами, как кувшины — мутной водой.

Вот, например, Николай Горин. Подсел ко мне после обсуждения, потрянул жидкими волосами, завел разговор о чем-то совершенно несущественном. О погоде, о новом сериале. Предложил обменяться контактами в МАХе — местном

аналоге древнего мессенджера. Такого рода общение лишь отнимает драгоценное время. Дурацкие приятельские переписки. Глупость, да и только. Я могу с таким же успехом сидеть во дворе полдня на скамейке и общаться с соседями о ценах на гречку и здоровье внуков. Зачем мне это?

Я спустился по лестнице, вышел на улицу. Холодный вечерний воздух ударил в лицо, немного проясняя мысли. И тут же, как назло, нахлынула другая волна — острая, колючая тоска. У меня ведь нет приятелей. Нет никого, кто бы разделял со мной мои творческие взгляды, мои проекты. Кому я мог бы прочесть новый отрывок из романа, который пишу уже пятнадцать лет, и получить не вежливый кивок, а живой, осмысленный отклик?

Ищу людей.

Нет людей.

Люди, конечно, есть. Вон, спешат по своим делам, светятся экранами телефонов, смеются, ссорятся. Но хочется чего-то большего. Родства душ, созвучия мыслей. Того самого «братства по перу», о котором так красиво писали в книгах.

А может, большего и не стоит искать? Может, это юношеский максимализм, нелепо доживший до моих седин? Может, стоит просто сосредоточиться на собственных прежних литературных проектах, углубиться в них? Запереться в своей маленькой квартирке, среди книжных полок, и дописать наконец эту проклятую книгу. Возможно. Вполне достаточно.

Я брел по улице, не разбирая дороги. Фонари зажигались один за другим, выхватывая из темноты лица прохожих. И вдруг, как удар под дых, пришла мысль, от которой стало совсем тоскливо.

Я иногда вообще слабо понимаю, зачем мне все это. Это литературное творчество. Да. Такие сомнения во мне есть. Кому нужны эти мои истории, эти выстраданные фразы, эти герои, которых я знаю лучше, чем самого себя? Мир прекрасно обходится без них. И без меня.

Но если забросить все начатое, тогда чем жить? Проблема смысла. Проблема вектора цели. Убери из моей жизни эти исписанные тетради, этот старенький ноутбук — и останется пустота. Доживание. Ожидание конца.

Черт-те что. Дурацкие мысли. Карусель сомнений, которая крутится все быстрее и быстрее, и уже не прыгнуть. Ярмарка тщеславия... хотя последний пунктик ко мне вряд ли относится. Я человек без амбиций. Мне не нужны ни слава, ни признание.

Или не так?

Может, я просто боюсь признаться себе, что они мне нужны? Может, просто нет возможностей — и потому я завернулся в кокон мнимого равнодушия к таким вещам? Возможно, я скрываю тщательно собственные желания от себя...

Я не знаю Себя.

Эта мысль остановила меня посреди тротуара. Люди об-

текали меня, как река — камень. Прожив в этой оболочке, в этом теле по имени «Я» семьдесят три года, я так и не понял Себя. Кто я? Старик, исписывающий бумагу в тщетной попытке оставить след? Или просто одинокий человек, ищущий собеседника?

Я = Тайна.

За моей спиной — семьдесят три года прожитой жизни, прочитанных книг, написанных строк. А впереди — дверь. И что с той стороны, мне неизвестно. Может быть, там ждет меня тот самый человек, которого я ищу. А может, там просто тишина.

Я поднял воротник пальто и медленно пошел дальше. В кармане лежал листок с расписанием занятий литературной студии. Следующее — в четверг. И я, к своему собственному удивлению, понял, что, скорее всего, приду. Не потому, что надеюсь найти там гениев или друзей. А потому, что пока эта карусель сомнений вертится, пока я задаю эти проклятые вопросы, — я жив. И, может быть, в этом и есть весь смысл.

АБСОЛЮТНЫЙ КАЙФ

Геннадий Ос стоял у окна и смотрел, как тяжелые, почти черные тучи ползут по серому ноябрьскому небу. Дождь не шел, но сама атмосфера была пропитана сыростью и предчувствием чего-то неотвратимого. В комнате пахло больницей, лекарствами и увяданием. Запах, который Геннадий ненавидел всей душой, но к которому за последние месяцы

почти привык.

— Гена, ты бы прилег, — голос жены, Веры, был тихим, полным той самой удушающей заботы, от которой хотелось выть.

Он не обернулся.

— Я в порядке, Верочка. Просто люблюсь пейзажем. Абсолютный кайф.

Она тихо вздохнула за его спиной. Она не понимала. Никто не понимал. Для них всех его диагноз был трагедией, концом света, несправедливостью. Для него же... для него это был финал. Логичный, правильный, долгожданный финал.

«В точку. Я просто ИСЧЕЗНУ с собственным никчемным мнением. И меня такой исход совершенно устраивает», — думал он, глядя, как ветер треплет голые ветки старого клена за окном.

Вера подошла, положила ему руку на плечо. Ее пальцы были холодными.

— Батюшка приходил. Отец Михаил. Я просила...

Геннадий медленно повернулся. На его изможденном лице появилась кривая усмешка.

— Вера, милая. Ну зачем? Зачем этот цирк? Ты же знаешь, я устоявшийся атеист. Меня ничего не ждет, мой финал — абсолютное обнуление.

— Гена, а вдруг... — начала она, и в ее глазах блеснули слезы. — Вдруг там что-то есть? Душа ведь...

— Душа? — он усмехнулся еще шире. — Вера, что не так? И что еще ожидать? Вечная жизнь? Мне вечная райская не нужна. Лучше уж в Аду, при котлах, с чертями дискутировать. Там хоть собеседники интересные могут попасться.

Он видел, как ее лицо исказилось от боли. Ему было жаль ее, но он не мог лгать. Не сейчас.

— Вечность — это ж такая невыносимая скука, — продолжил он, уже больше для себя, чем для нее. — Я категорически против бесконечности для себя. НЕ НАДО! Не надо меня заточать в клетку Вашей Бесконечной Пурги!

Он отошел от окна и медленно опустился в старое кресло. Каждый вздох давался с трудом, но в этом усилии была своя, особая прелесть. Прелесть конечного ресурса.

— Кайф земной жизни — в ее быстротечности, — сказал он, глядя в потолок. — Именно эта изюминка и дает земному бытию непередаваемый окрас. ОТ СИХ ДО СИХ. Все. Разве не прелесть? Это же Абсолютный Кайф! Типа вначале крутая оргия — а затем полноценный оргазм. Разве не для этого мы явились в окружающую Суету?

Вера молча села на край кровати, опустив голову. Она не спорила. Сил не было.

А Геннадий вспоминал. Вспоминал свою жизнь. Нелепую, суетливую, полную ошибок и редких побед. Он не был героем, не совершил великих открытий. Он был просто Геннадием Ос, инженером на пенсии. И этого было достаточно. Он прожил свою жизнь. От сих до сих.

— Сама смерть, людьми воспринимается совершенно отвратно, — проговорил он, и голос его стал тверже. — Это возмутительно! И только по причине, что всех нас с детства извращенно о ней информировали. Во-первых, она естественна. Но это не пустяк.

Он закрыл глаза, прислушиваясь к собственному телу. Боль, ставшая его постоянной спутницей, сегодня была тише, словно отступала, готовясь к финальному аккорду.

— А во-вторых, — прошептал он, — мне сдается, смерть в финишном проявлении даже весьма приятна. Отпускает напряжение, что сопровождает человеческую особь при жизни.

И тут он почувствовал это. Легкий, едва уловимый отлив. Словно туго натянутая струна внутри него начала ослабевать. Уходила боль, уходила тревога за Веру, уходили сожаления. С отливом напряжения приходил прилив... УСПОКОЕНИЯ И ПРИЯТНОГО ТЕПЛА.

Геннадий Ос: Жизнь от сих до сих. Абсолютный Кайф Бытия.

Он помнил это ощущение. Однажды, в молодости, он чуть не утонул в ледяной реке. Когда его вытащили, и он, откашлявшись, лежал на берегу, его накрыло именно это. Безмятежность. Полное отсутствие страха и суеты. ЭЙФОРИЯ. Та самая, которую в жизненном марафоне челу 21 века за це-

лый век не выпадает случай испробовать.

«Редкие везунчики среди человеков примеряли на себе состояние безмятежности, о котором я утверждаю. Я примерял. Знаю, о чем говорю», — пронеслось в угасающем сознании.

Тема смерти — занятная тема. Смерть других (не твоя) принуждает про сей факт задумываться. Заставляет быть готовым к невольному исчезновению из привычной среды. Он был готов. Он всю жизнь проигрывал в уме эту сцену из своего личного «спектакля», словно зацикленный саундтрек.

Он открыл глаза. Вера смотрела на него, и в ее взгляде уже не было страха, только бесконечная печаль. Он попытался ей улыбнуться.

— Не плачь, — прохрипел он. — Это... просто финал. Хороший финал.

Верующие еще могут предаваться иллюзиям, что их ждет-дожидается Новая Светлая жизнь. Но вот сомнения им ведь тоже свойственны. И никакие терабайты «Господи, спаси и помилуй!» не устраняют этот предательский дефект. А у него, Геннадия Ос, сомнений не было. Никаких.

Тепло разливалось по телу, стирая границы. Шум в ушах сменился абсолютной тишиной. Последней мыслью было: «Вот он. Оргазм бытия. Абсолютный...»

И он исчез. ПРОСТО ИСЧЕЗ. Вместе со своим никчемным, но таким единственно верным для него мнением.

И этот исход его совершенно устроил.

КЛЮЧ И ЗАМОК

Владимир, вы правы. Я вижу, вы поняли главное. Мы с вами — существа из разных цивилизаций. Кошки и Собаки. Рыбы и Рыбаки. Вы — человек верующий. Я — индивидуум, **АБСОЛЮТНО СВОБОДНЫЙ ОТ ВЕРЫ.**

Это не горделивое заявление, не поза и не вызов. Это факт чистой воды. Абсолютно. Я не верую ни во что. Пожалуй, только в **ЕБ ТВОЮ МАТЬ** — да-да, как бы грубо это ни звучало, но в этой первобытной, яростной силе, в этом крике, рождающем и уничтожающем миры, есть больше правды, чем во всех священных текстах вместе взятых. Это единственная молитва, которую я признаю. Молитва, обращенная в пустоту и возвращающаяся эхом собственного голоса.

Даже сложно представить, насколько закреплен во мне иммунитет от религиозного инфицирования. Так было всегда. Я появился на свет уже законченным атеистом. Большевицкая идеология тут ни при чем — она сама была религией, просто с другими иконами и мощами в мавзолее. Мой атеизм — врожденный, как цвет глаз или группа крови. Физиологическая особенность **ПОРОДЫ.**

С возрастом ничего не поменялось. Напротив, я лишь укрепился в собственном атеизме — и в собственном эгоцентризме. Мое «Я» стало центром моей вселенной. Не потому, что я считаю себя лучше других, а потому, что это единственная реальность, которую я могу достоверно засви-

детельствовать. Все остальное — лишь отражения, тени на стенах моей пещеры.

Как журналист, в свое время, я общался со священнослужителями. Я смотрел в их глаза — умные, добрые, хитрые, пустые — и видел за ними лишь конструкцию. Хорошо отлаженный механизм самообмана. Они говорили о любви, а я видел страх. Говорили о смирении, а я чувствовал гордыню, замаскированную под кротость. Эти контакты только укрепляли меня в моей вере — в моем неверии. Эгоизм мой стал лейтмотивом моего творчества — и в резких, контрастных фотографиях, и в колючей, рваной прозе. Он стал сущностью моей индивидуальности, моей фишкой, моим брендом.

Я уже сталкивался лоб в лоб в дискуссиях с верующими. Меня их позиции только огорчали, отталкивали. Я — от них, они — от меня. Действие равно ведь противодействию. До неприязни. До психического негодования. До высшей степени отторжения.

Конструктивный диалог не складывался. И знаете, почему, Владимир? Причина проста: система понятий в моем мозгу не соответствовала понятийной структуре в умах оппонентов. Ключ не соответствовал замку. Мы говорим слово «любовь», но они видят божественное проявление, а я — химическую реакцию и социальный конструкт. Мы говорим «смысл», они ищут его в предназначении, а я создаю его сам, здесь и сейчас, каждым своим действием.

У верующих в Бога и неверующих (в какого-то Господа)

мозги прошиты разными программными алгоритмами. Очевидно, мать Природа так специально задумала. Чтобы создать множество вариаций. Чтобы обострить внутренний системный конфликт. А конфликт — это пружина, источник энергии, важный мотиватор. Без трения нет движения. Без хищника нет эволюции. Без моего неверия ваша вера была бы пресной и беззубой. Думаю, вам понятны мои пространственные рассуждения.

Добавить нечего. Я все, что смог, заявил. Я был честен перед Собой и перед Окружающим Мирозданием. (В КОТОРОМ БОГА НЕТ, ибо никогда и не было).

Я даже объясню, почему Бог не участвовал в создании мира. В Нем нет и не было надобности. Вселенная, возникшая из точки сингулярности, подчиняющаяся законам физики, эволюционирующая через хаос и случайность, — это самодостаточная, гениальная в своей простоте и жестокости система. Она не нуждается в садовнике.

Бог только бы путался под ногами. Он бы начал вносить «улучшения», «мораль», «справедливость». Он бы попытался сгладить острые углы, спасти слабого от сильного, нарушить естественный отбор. Он бы превратил этот великолепный, бурлящий котел жизни в стерильный, скучный райский сад. А это уже совсем иная логика. Логика не творца, а цензора.

Так что пусть будет так, Владимир. Вы — со своим замком. Я — со своим ключом. Они никогда не сойдутся. И в

этом, возможно, и заключается главный замысел Природы. В вечном, неразрешимом и прекрасном в своей бессмысленности конфликте.

КЛЮЧ И ЗАМОК

В ЭТОМ ПЕРЕМЫВАНИИ
РОЖДАЕТСЯ ТОТ САМЫЙ
ПРОБЛЕСК —
СОЗНАНИЕ

ВЫ — ЯКОРЬ. Я — ЛЕДОКОЛ.

И в этом вечном противостоянии, в этом скрежете несовпадающих ключей и замков, рождается та самая искра, которую вы, верующие, называете душой, а я — сознанием. Это не дар свыше. Это побочный продукт трения, результат ошибки в копировании ДНК, великолепный сбой в матрице, который вдруг осознал сам себя. Осознал свою отдельность, свою конечность и свое отчаянное, звериное желание жить.

Вы ищете утешения в вечности. Я нахожу пьянящую свободу в ее отсутствии. Если жизнь одна, если после финального выдоха наступает лишь распад на атомы, то каждое мгновение приобретает абсолютную, неизменную ценность. Каждый вдох, каждый кадр, пойманный объективом, каждое слово, выцарапанное на бумаге, — это не репетиция перед вечной жизнью, а сама жизнь, единственная и неповторимая. Мой эгоцентризм — это не гордыня, Владимир. Это высшая степень ответственности. Если нет Бога, который простит, нет и дьявола, на которого можно свалить вину. Есть только я, мои решения и их последствия. Мой личный, персональный ад и рай, которые я строю себе сам, здесь, на этой земле, из материала собственных поступков.

Вы говорите о чуде. Для меня чудо — это сам факт нашего разговора. Два абсолютно разных биологических механизма, две нейронные сети с несовместимым ПО, пытаются обмениваться сигналами. Это как если бы телескоп Хаббл пытался поговорить с микроскопом. Один смотрит в бесконечную пустоту космоса, другой — в кишашую жизнь капли воды.

И оба видят правду. Свою правду. Но Вселенная одна, и она равнодушно вмещает в себя и галактики, и бактерии. Ей нет дела до наших интерпретаций.

Ваша вера дает вам опору, костыль, который помогает идти по жизни. Я же предпочитаю идти без костылей, даже если приходится падать, разбивать колени в кровь и ползти. Боль — это тоже информация. Боль доказывает, что я жив. Страх смерти — лучший стимул, чтобы не тратить время впустую. А ваша надежда на загробную жизнь обесценивает эту, единственную. Превращает ее в зал ожидания, в прихожую перед настоящим домом. Я же не хочу ждать. Я хочу жить в этой прихожей, срывать обои, бить окна, переставлять мебель. Потому что другой комнаты не будет.

И когда вы молитесь своему Богу, прося его о чем-то, вы, по сути, разговариваете с идеализированной версией самих себя. С тем, кем вы хотели бы быть, — всепрощающим, всемогущим, всезнающим. Я же разговариваю с собой напрямую, без посредников. И мой внутренний диалог куда честнее. В нем есть место и ненависти, и похоти, и мелочности. Я не пытаюсь скрыть это за фиговым листком благочестия. Я принимаю своего внутреннего зверя, потому что он — тоже часть меня. Та самая первобытная сила, которая кричит «ЕБ ТВОЮ МАТЬ» в лицо равнодушному космосу.

Так что не пытайтесь подобрать ключ к моему замку, Владимир. И не предлагайте мне свой. Давайте просто признаем, что мы — разные конструкции, созданные для разных

целей. Вы — чтобы сохранять. Я — чтобы разрушать и строить заново. Вы — якорь. Я — ледокол. И пока ваш якорь держит корабль в тихой гавани веры, мой ледокол идет вперед, ломая лед иллюзий, просто потому, что движение — это и есть его единственное предназначение. Даже если впереди лишь холодная, темная вода и вечная ночь. В этом и есть моя свобода. Абсолютная.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Пролог

Мир всегда был таким. С самого рождения Артём знал, что есть Высший Порядок, которому нужно следовать. Были Хранители, что толковали волю Порядка, и были ритуалы, которые поддерживали гармонию. Каждый день начинался с утренней молитвы-настройки, каждый приём пищи сопровождался благодарностью, а каждый вечер завершался отчётом перед незримым оком Порядка.

Это было так же естественно, как дышать. Сомнений не возникало. Сомнения были симптомом «ментального сбоя», опасного состояния, которое могло привести к «рассинхронизации» с реальностью. Таких людей, «рассинхронов», изолировали и лечили в специальных центрах — Санаториях Гармонии. Никто не хотел туда попадать.

Артём был образцовым гражданином. Он верил. Точнее, он был «веруном» — так их называли в официальных доку-

ментах. Это слово не несло негативной окраски; оно означало «принявший гармонию», «синхронизированный». Он чувствовал тепло и покой во время ритуалов, ощущал правильность своих действий и мыслей. Его ментальность была чиста и отформатирована, как гладкий лист металла.

Глава 1: Трещина

Всё началось с головной боли. Не обычной, а странной, пульсирующей, словно что-то внутри черепа пыталось пробить себе путь наружу. Боль приходила во время вечернего ритуала. Когда Хранитель на большом голоэкране произносил слова о единстве и подчинении, в голове Артёма вместо привычного покоя вспыхивала острая игла.

Он списал это на усталость. Работа на синтезирующем комбинате выматывала. Но на следующий день боль повторилась, и к ней добавилось нечто новое. Во время молитвы слова, которые он повторял тысячи раз, вдруг потеряли смысл. «Да пребудет Порядок в мыслях наших, да очистит он нас от скверны сомнения...» — шептал он, а в голове билась чужая, еретическая мысль: «А что такое сомнение? Почему оно — скверна?»

Он в ужасе отшатнулся от этой мысли, как от ядовитой змеи. Это был первый симптом сбоя. Он удвоил усердие в ритуалах, пытаясь заглушить внутренний голос. Но чем сильнее он молился, тем громче становился этот голос.

Однажды, проходя мимо Санатория Гармонии, он увидел, как туда заводят женщину. Она не кричала, не сопротивлялась. Её лицо было абсолютно пустым, глаза — стеклянными. Она шла, как автомат, подчиняясь командам санитаров. И в её пустых глазах Артём увидел нечто страшное — отра-

жение своего собственного будущего. Он понял, что «лечение» — это не исцеление. Это стирание.

Глава 2: Вирус

Страх стал его постоянным спутником. Он начал замечать странности. Люди вокруг него двигались и говорили с какой-то жуткой синхронностью. Их улыбки были одинаковыми, их реакции — предсказуемыми. Они были похожи на хорошо отлаженные механизмы. Психологические инвалиды, как всплыло в его сознании пугающее определение. Их интеллект, казалось, находился в хроническом ступоре, ограниченный рамками догматов Порядка.

Он начал тайно искать информацию. В официальной сети всё было стерильно. Но в самых тёмных уголках, в зашифрованных архивах, он нашёл обрывки старых текстов, написанных до эпохи Порядка. Там говорилось о свободе воли, о критическом мышлении, о науке, которая задавала вопросы, а не давала готовые ответы.

Там он впервые встретил это слово: «шизофрения». В древних медицинских текстах оно описывало расстройство, при котором человек терял связь с реальностью, слышал голоса. И тут его пронзила догадка, холодная и острая, как лезвие.

Религия Порядка — это и есть навязанная, контролируемая шизофрения. «Голос Порядка», который веруны якобы слышали в своих сердцах, был не божественным откровени-

ем, а искусственно внедрённой программой. Ритуалы и молитвы были не способом достичь гармонии, а методом ежедневной перепрошивки сознания, чтобы вирус веры не ослабевал.

Верующие не существовали в природе. Были только веруны — противоестественные образования, результат чудовищного вмешательства в ментальность. Их разум был искалечен, заблокирован. Они были идеальными рабами, потому что их тюрьма находилась внутри их собственной головы.

Глава 3: Рассинхрон

Однажды вечером, во время обязательного просмотра речи Главного Хранителя, Артём не выдержал. Лицо Хранителя на экране говорило о жертвенности и благе, но Артём видел лишь кукловода, дёргающего за ниточки миллионов ма-

рионеток. Слова о «гармонии» звучали как лязг тюремных решёток.

Он встал и выключил голоэкрэн.

Тишина, наступившая в комнате, была оглушительной. Впервые за всю жизнь он не завершил ритуал. Внутри не было ни страха наказания, ни чувства вины. Была только звенящая, ледяная пустота. А потом — ярость.

Они украли у него всё: его мысли, его личность, его право сомневаться. Они превратили его в ментального калеку. Нами управляют. Нам форматируют ментальность на нужный лад. Эта мысль больше не пугала. Она стала его оружием.

Дверной звонок прозвучал резко и требовательно. Артём посмотрел в глазок. На пороге стояли двое в серой униформе санитаров из Санатория Гармонии. Система зафиксировала его «рассинхронизацию». Они пришли «лечить» его.

Артём усмехнулся. Он больше не был веруном. Он был сбоем в их системе. А любой сбой — это начало разрушения.

Он открыл дверь.

«Я готов, — сказал он, глядя им прямо в глаза. — Но позвольте задать вам один вопрос. Кто написал вашу программу?»

Лица санитаров не дрогнули, но в их глазах, на долю секунды, промелькнуло что-то, чего он никогда раньше не видел у верунов. Замешательство. Трещина в их собственной отформатированной реальности.

И Артём понял, что его война только начинается. Рели-

гия была идеологическим оружием страшной разрушительной силы. Но самый опасный вирус — это не вера. Это сомнение. И он только что заразил им двоих.

БУМАЖНЫЕ БОГИ

Глава 1:

В моей юности, когда мир казался простым, как лозунг на транспаранте, а будущее — ясным, как взгляд Ленина с портрета, мне в руки попала «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского. Книженция была занятая. Она препарировала священные тексты с холодной точностью хирурга, вскрывающего застарелый нарыв. Каждое чудо, каждый пророк, каждый божественный акт раскладывался на атомы логики, здравого смысла и классовой борьбы. Бог в этой книге был не всемогущим творцом, а удобным инструментом для угнетения пролетариата. Я читал и кивал: всё сходится, всё понятно. Это была Библия, переведенная на язык, который я понимал — язык фактов и материализма.

Шли годы. Империя, казавшаяся вечной, рассыпалась, как карточный домик. На смену красным флагам пришли триколоры, а на смену Ярославскому — настоящая Библия в тяжелом переплете, пахнущая типографской краской и чем-то древним, чужим. Это были бурные 90-е, время, когда люди искали опору в чем угодно: в экстрасенсах, в финансовых пирамидах, в Боге. Я, как человек, привыкший всё анализи-

ровать, решил обратиться к первоисточнику.

Я мусолил её, мурыжил неделями. Пытался найти в ней ту самую стройную систему, которую так легко разгромил Ярославский. Но вместо системы я натыкался на стену. Бредятина. Набор алогизмов, не связанных между собой событий. Сказки для взрослых, которые почему-то нужно было принимать на веру. Вот Авраам готов прирезать сына по приказу голоса с неба. Вот Иаков обманом отбирает у брата первородство. Вот целые народы истребляются во славу ревнивого и жестокого божества.

Мой мозг, натренированный на поиске причинно-следственных связей, кипел от возмущения. Это не было похоже на инструкцию к мирозданию. Это было похоже на сборник древних, кровавых мифов, слепленных воедино грубыми стежками.

Однажды вечером, сидя на кухне своей квартиры на восьмом этаже, я в очередной раз уставился в страницу, где описывались какие-то очередные родословные и жертвоприношения. И меня прорвало. Злость, холодная и ясная, поднялась изнутри. Злость на эту бессмыслицу, на потраченное время, на то, что миллионы людей строят свои жизни на этом фундаменте из песка и тумана.

Я встал, подошел к окну, распахнул его настежь. Весенний ветер ворвался в комнату, принес с собой запах влажного асфальта и городской пыли. Не раздумывая, я швырнул тяжелый том в темноту. Он полетел вниз, кувыркаясь, как подбитая птица, и глухо шлепнулся где-то внизу, на газон. Я

почувствовал огромное облегчение, будто избавился от тяжелой, ненужной ноши.

Спустя пару лет та же участь постигла и «Капитал» Карла Маркса. Эту книгу я тоже пытался осилить, отдавая дань памяти отцу — убежденному коммунисту. Но и там я увидел то же самое: догмы, требующие веры. Та же Библия, только для другой паствы, для «продвинутых коммунистов». А я, признаться, и коммунистом-то никогда не был. Я был наблюдателем. Так что и этот бумажный бог отправился в мусорный бак, составив компанию своему идеологическому противнику.

На этом мое знакомство с Божественным началом через книги закончилось. Я решил, что если что-то и есть в этом мире, то искать это нужно не на пыльных страницах, а в самой жизни.

Глава 2: Поиски вслепую

Я стал доморощенным философом. Моей лабораторией была жизнь, моими инструментами — наблюдение и анализ. Я научился видеть связи там, где другие видели хаос. Обобщать разрозненные события, складывать из них мозаику — это стало моей страстью, моим способом познания мира.

Я смотрел на людей. Видел, как рождается любовь и как она умирает. Видел предательство и самопожертвование. Наблюдал за муравьем, тащащим соломинку, и за звездами, равнодушно мерцающими в бездонном небе. Я пытался на-

щупать тот самый «высший замысел», ту невидимую руку, которая, как утверждали верующие, управляет всем.

Но как я ни пыжился, Присутствия Господа обнаружить не удалось.

Мир в моих глазах был гигантским, сложным, но абсолютно материальным механизмом. Он работал по своим законам — физики, химии, биологии, социологии. Жестоким, прекрасным, но самодостаточным. В нем не было места для чуда, которое нельзя было бы объяснить, пусть и не сразу. Рождение ребенка было не божественным даром, а сложнейшим биологическим процессом. Любовь — не небесным благословением, а коктейлем из гормонов и психологических установок. Вселенная расширялась не по воле Творца, а вследствие Большого Взрыва.

Я не находил Бога. Но я находил другое — людей, которые Его нашли. И это стало для меня самой большой загадкой.

Глава 3: Другой вид

Я встречал их повсюду. Моя соседка, тихая старушка, которая каждый день молилась за весь наш подъезд. Коллега по работе, молодой парень, который по воскресеньям пел в церковном хоре. Даже случайный попутчик в поезде, который с горящими глазами рассказывал мне о своем пути к вере.

Я смотрел на них и не понимал. Они были не глупее меня. Многие из них были образованны, умны, успешны. Но они обладали каким-то дополнительным органом чувств, ко-

торый у меня, очевидно, отсутствовал. Они видели то, чего не видел я. Слышали то, чего не слышал я. Они жили в том же мире, ходили по тем же улицам, но их реальность была дополнена еще одним, невидимым мне измерением.

Я пытался говорить с ними. Задавал вопросы, спорил, приводил логические доводы. Но каждый раз натывался на стену. Они не пытались мне что-то доказать с помощью формул или фактов. Они говорили о чувствах. О благодати. Об ощущении Присутствия. О том, что «просто знаешь».

Это было похоже на попытку объяснить слепому от рождения, что такое красный цвет. Можно рассказать ему о длине волны, о тепле, которое ассоциируется с этим цветом, но передать само ощущение красного — невозможно.

И тогда я задал себе главный вопрос, который мучает меня до сих пор: из какого материала вылупляются эти люди-верующие?

Неужели они такими рождаются? С какой-то особой предрасположенностью в генах, с «рецептором Бога» в мозгу? Или это результат воспитания, культурного кода, впечатанного в подсознание с детства? А может, это защитный механизм психики, способ справиться со страхом смерти и бессмысленности существования?

Я перебирал варианты, анализировал, строил гипотезы. Но ответа у меня по-прежнему нет.

Иногда я смотрю в окно своего восьмого этажа, на тот самый газон, куда много лет назад рухнула Библия. И мне ка-

ГЛАВА 3: ДРУГОЙ ВЗГЛЯД. ДВА МИРА, ДВА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Где кончается логика и начинается вера? Гейзенберг и Псалтырь.

Где кончается логика и начинается вера? Гейзенберг и Псалтырь.

Я смотрю на них, на этих «других», и вижу не оппонентов в споре, а носителей иного кода, иного программного обеспечения. Их операционная система имеет доступ к файлам, которые для моей системы не существуют или повреждены. Когда они говорят о «любви Божьей», я слышу лишь набор звуков, а они, кажется, подключаются к какому-то невидимому Wi-Fi, источнику тепла и смысла, который согревает их изнутри.

Я пытался понять их через аналогии. Может, вера — это как музыкальный слух? Кто-то рождается с абсолютным, слышит тончайшие нюансы гармонии, а кто-то, как я, не может отличить до от ре. И я всю жизнь пытаюсь понять красоту симфонии, анализируя нотную грамоту и физику звуковых волн, в то время как другие просто закрывают глаза и наслаждаются музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.